

ЯЗЫКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССА СОЗДАНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТОВ В ДНЕВНИКАХ МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА ФЕДЧЕНКОВА 1926–1948 гг.

Анна Александровна Панова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: panyann@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению отражения в языке дневников митрополита Вениамина Федченкова 1926–1948 гг. представлений автора о процессе написания текстов. Объектом рефлексивного осмысления в указанных дневниках становится не только собственно процесс создания письменного текста (т.е. то, как нужно писать), но и личное отношение автора к этому, в частности к ведению дневниковых записей. Одним из важных вопросов для Вениамина Федченкова становится соотношение между активной деятельностью (делом, подвигом) и написанием текстов. Размышления автора относительно видимого противопоставления работы по созданию текстов и активной общественной и проповеднической деятельности выступают зеркалом, в котором иносказательно отражается одна из главных проблем Вениамина Федченкова как религиозного деятеля – фактическое лишение его возможности активно действовать на общественном и проповедническом поле в течение достаточно длительного периода в эмиграции. В это время общение посредством письменных текстов (обширная переписка) и ведение дневниковых записей становятся основным видом деятельности Федченкова. В статье показано, как священнослужитель при помощи разговора с собой о процессе письма доказывает самому себе, что данное противопоставление лишь внешнее, тогда как на внутреннем глубинном уровне работа с письменным словом, обращенным к себе или другим, может расцениваться как деятельность во благо (себя и / или других). Так, в отличие от рефлексии о подготовке публичных выступлений, в которых разговор о риторической составляющей является самоценным (насушным был вопрос о том, как подготовить речь), в случае с размышлениями автора о процессе письма ценность приобретает, в первую очередь, «оправдание» занятия письмом как единственно доступным видом деятельности.

Ключевые слова: язык жанра дневника, религиозный дискурс, письменный текст.

Дневниковые записи митрополита Вениамина Федченкова привлекают исследовательское внимание своей акцентированностью на языковых тонкостях и метапрозаической рефлексии, реализующейся в текстовом пространстве обозначенных дневников в виде авторского рефлексивного отношения к филологическим видам деятельности с текстами (письменными и устными), таких как порождение своего текста, выступление с ним и обращение к чужим текстам (чтение письменных текстов или прослушивание речей).

На данный момент филологическое изучение дневников митрополита Вениамина Федченкова представлено, к сожалению, пока только нашими исследованиями, в частности феномена отражения лингвистической рефлексии в языке указанных дневников [Панова 2014а; 2014б; 2014в и др.], что происходило параллельно с обращением к дневниковому наследию Вениамина Федченкова церковных историков, использовавших данный материал в качестве источниковой базы [Кузнецова; Просветов]. Такая невысокая степень исследованности дневников митрополита Вениамина, очевидно, является следствием отсутствия в русском лингвистическом дискурсе интереса к документальным текстам личного характера лиц, не относящихся к категории профессиональных писателей. Такое распределение отечественных исследовательских акцентов противоположно достаточно высо-

кому интересу к личным текстам на Западе, для которого дневники Федченкова остаются закрытыми ввиду отсутствия переводов на другие языки, в отличие, к примеру, от дневников Иоанна Кронштадтского, частично переведенных на английский язык еще при жизни известного русского священнослужителя [John of Kronstadt, URL], что и привело к появлению большого количества западных исследований данных дневников [Bishop Alexander; Davidson; Dubois; Mother Sarah; Pehanich], в том числе монографических [Kizenko], появившихся ранее аналогичных отечественных исследований.

Материалом для исследования послужила выборка объемом в 377 языковых единиц разного рода из упомянутых выше дневников объемом в 532 страницы. Было выявлено 24 фрагмента, в которых предметом рефлексии предстают процессы подготовки речей, т.е. текстов, предназначенных для устного публичного воспроизведения, выступлений с ними (десять случаев) и прослушивания этих выступлений (один случай), написания (восемь случаев) и чтения письменных текстов (четыре случая), а также размышления о людях, преуспевших в указанных процессах (один случай). В рамках данной статьи рассмотрим только ту группу примеров, в которых нашло свое отражение осмысление Вениамином Федченковым процесса создания письменных текстов.

Отметим: последний воспринимается ми-

трополитом Вениамином как более интимный акт, чем процесс подготовки публичных выступлений, что находит отражение в обнаруживаемых в дневниках рефлексивных элементах.

Процесс создания письменного текста представлен здесь двумя количественно равными группами примеров (по четыре случая в каждой): в одной из них объектом рефлексии становится вопрос о том, как писать, в другой – личное отношение автора к самому процессу письма (в частности, к созданию дневниковых записей).

Начиная анализ первой группы, обратимся к рассмотрению следующих фрагментов: «<...> **писать** так, **как переживалось**, не заботясь о системе» (Федченков, с. 13); «А сейчас **пишу** по памяти, **стараясь не переживать**: “трудно”» [Федченков, с. 87]. Оба примера решают один и тот же вопрос – о балансе логики и субъективного отношения к объекту описания, о приоритетности старания излагать на страницах дневника фактическую сторону событий или эмоционального чувствования в процессе письма, о том, можно ли дать выход эмоциям. С точки зрения лексического состава приведенные фрагменты близки, имея в своей структуре глаголы *писать* и *переживать*. Однако если глагол *писать* употреблен в обоих фрагментах в значении ‘составлять письменно какой-либо текст’ [Евгеньева 1987, III, с. 125; Шведова, IV, URL; Кузнецов, с. 834; Ожегов, Шведова,

с. 519; Лопатин, Лопатина, с. 498], то глагол *переживать*, исходя из контекста, используется в разных значениях. В первом случае *переживать* является формой несовершенного вида от глагола *пережить* в значении ‘испытать, видеть, перенести многое на веку своем’ [Даль 2012, с. 313–314], ‘подвергаться чему-либо, испытать что-либо’ [Евгеньева 1987, III, с. 63], ‘прожить, просуществовать во время каких-либо важных событий, подвергаясь опасности быть уничтоженным или перенося тяготы жизни’ [Кузнецов, с. 802], ‘испытать в жизни, изведать’ [Ожегов, Шведова, с. 504], ‘перенести, выдержать’ [Лопатин, Лопатина, с. 484]. Другими словами, глагол *переживать* отсылает к жизненному опыту автора. Так, Вениамин Федченков в самом начале дневниковой тетради условливается описывать события в их очередности, полноте – так, как они происходили с ним, по мере того, как они становились его личным жизненным опытом.

Во втором случае, который был найден в примечаниях автора (приписан им на полях дневниковой тетради после создания основного текста), глагол *переживать*, очевидно, фигурирует в значении ‘испытывать волнение, беспокойство по поводу чего-либо, беспокоиться, волноваться’ [Евгеньева 1987, III, с. 63], ‘волноваться, беспокоиться, мучиться, страдать по какому-либо поводу’ [Ожегов, Шведова, с. 504; Лопатин, Лопатина, с. 484] (то же самое, но с уточнением –

«по **огорчительному** поводу» [Шведова, IV, URL]). Таким образом, глагол *переживать* в данном примере апеллирует не к фактографии, как в предыдущем фрагменте, а к эмоциональному фону, на котором происходили события в тот или иной период жизни автора. Об этом свидетельствует и употребление во втором фрагменте наречия *трудно*, которое в тексте исследуемых дневников нередко служит цели оценки автором собственного психологического состояния. В итоге оба приведенных фрагмента транслируют стремление митрополита Вениамина вести дневник в соответствии с двумя основными принципами: описывать факты без купюр и стараться при этом не поддаваться эмоциям.

В дневнике Вениамина Федченкова встретились размышления относительно создаваемого им или кем-то другим письменного текста. Рассмотрим два примера (полужирный шрифт – мой – А. П.): «Много еще мыслей. И **не хочется их сокращать...**» [Федченков, с. 26]; «Хорошо бы хоть с **летучими пометками** в тексте самом» [Федченков, с. 106]. Митрополит Вениамин всегда обращает внимание не только на содержание создаваемых им текстов, но и на их форму. Для него важна краткость, что иллюстрируется его склонностью к использованию эллиптических структур. Поэтому он остро ощущает, когда текст, по его мнению, становится длиннее допустимого. Первый из приведенных фрагментов появляется в одном из подобных случаев

рефлексии священнослужителя по поводу объема создаваемого текста. В результате рефлексивного подхода к продуцируемому им тексту на страницах дневника митрополит Федченков сам перед собой оправдывается за растягивание текстового пространства (много слов, потому что *много мыслей*), сознательно признаваясь в своем нежелании облекать мысли в краткую форму (*не хочется сокращать*).

В дневнике митрополит Вениамин часто пересказывает письма, написанные им или полученные от того или иного адресанта. Письмо воспринимается священнослужителем как один из видов текстов, который необходимо подвергнуть внимательному прочтению, чтобы интерпретировать его смысл правильно, максимально приблизившись к тому, что вкладывал в него автор, т.к. в противном случае неверным выйдет и его собственное ответное письмо. Поэтому не единожды в дневнике встречаются упоминания Вениамина Федченкова о том, что он попросил адресата не только ответить на письмо, но и выслать его письмо вместе с ответом, снабдив теми или иными пометками. Отметим, что в приведенном выше фрагменте митрополит Вениамин сообщает об этом при помощи сочетания *летучие пометки*, которое, очевидно, появилось в дневнике после того, как было употреблено в письме к архиепископу Феофану (Быстрову) и там обросло определенными коннотациями. Федченков

просит снабдить его письмо именно *летучими* пометками, т.е. краткими, мимолетными, не требующими больших усилий, поскольку не смеет просить о более подробном комментировании своего письма, не смеет желать обширной письменной дискуссии по волновавшему его вопросу, так как знает о серьезном заболевании адресата (туберкулезе). Так, используя выражение *летучие пометки*, митрополит Вениамин акцентирует внимание адресата на том, что не просит от него многого, зная о его физической немощи.

Вторая группа фрагментов, отражающих метапрозаические рефлексии Вениамина Федченкова, связана с попыткой священнослужителя осмыслить свое отношение к процессу писания и отношение Церкви к этому процессу. Рассмотрим последовательно два примера подобной рефлексии, локализуемых в пределах двух страниц дневника. Обратимся к первому фрагменту (здесь и далее подчеркивания принадлежат автору дневников, полужирный шрифт – мой – А. П.): «Для нынешнего года и писать бы не нужно... <...> нужно бы “плакать и молиться”, как сказал один подвижник (эти слова привел знаменитый проповедник <...>. Не знаю: не были ли они у него проповедническим красивым приемом?) <...> да, мне бы нужно бы плакать да молиться. **А я писать предпочитаю. Это мне нравится. Приятно...** А если приятно, то тут **нет подвига.** <...> Себя **тешу, занимаю**; а притом еще тайное **тщеславие**

помогает тут: **будто пишешь что-то важное**; “не так, как другие” – “лучше и умнее”... “Добродетель всякая – трудна”, – говорят все подвижники; а мне **писание** доставляет **одно удовольствие**... Вот только не знаю: как другие находили и находят в моих объяснениях праздников (имеются в виду книги митрополита Вениамина о двенадцатых праздниках – А. П.) и **пользу, и утешение**, и (что самое важное) **будто и руководство по спасению?**.. Тогда – **недоумеваю...**» [Федченков, с. 422–423].

Прежде всего, отметим, что отношение к процессу создания письменного текста у митрополита Вениамина двойственное. С одной стороны, как священнослужитель он осознает, что *писание* предстает занятием праздным, не отвечающим требованиям к достойному, с точки зрения православного христианства, труду. Понимание и уважение этой точки зрения нашло свое отражение в использовании глаголов *тешить, заниматься, недоумевать*, существительного *тщеславие*, отрицательной частицы – *нет подвига*, а также в употреблении сослагательного наклонения (*будто пишешь*) и неопределенного местоимения *что-то* в сочетании с прилагательным *важное*. Глагол *тешить* имеет значения ‘забавлять, занимать, веселить, делать приятное’ [Даль 2012, с. 479; Евгеньева 1988, IV, с. 364; Кузнецов, с. 1323; Ожегов, Шведова, с. 799], ‘развлекать, доставлять удовольствие’ [Евгеньева 1988, IV,

с. 364; Кузнецов, с. 1323; Ожегов, Шведова, с. 799; Лопатин, Лопатина, с. 782], ‘успокаивать, ободрять, утешать’ [Евгеньева 1988, IV, с. 364; Кузнецов, с. 1323]. Таким образом, глагол *тешить*, во-первых, характеризует процесс писания текста как что-то доставляющее удовольствие, что противоречит христианскому идеалу труда, а во-вторых – указывает на то, что написание текста (дневника, размышлений о праздниках и т.д.) способно успокоить и ободрить Вениамина Федченкова, что оправдывает в глазах священнослужителя его увлеченность письмом в условиях жизненных трудностей, с которыми он столкнулся. Процесс создания текста выступает для митрополита Вениамина способом ухода от жестокой реальности.

Глагол *заниматься* сам по себе имеет положительное значение ‘выполнять какое-нибудь дело, работу, посвящать себя какой-нибудь деятельности, занятию’ [Шведова 2007, IV, URL], ‘вести интеллектуальную работу, работать умственно’ [Евгеньева 1985, I, с. 550; Шведова, IV, URL; Ожегов, Шведова, с. 213; Лопатин, Лопатина, с. 202], ‘упражняться, трудиться’ [Даль 1912–1914, URL]. Однако наряду с указанными выделяются значения ‘забавляться’ [Даль 1912–1914, URL] и ‘отдавать, посвящать свое время, досуг чему-либо’ [Евгеньева 1985, I, с. 550], которые в приведенном фрагменте выступают в качестве негативных. Так, с точки зрения православного религиозного дискурса недостойными при-

знаются любая забава, т.е. праздное занятие, досуг, т.е. отдых, и вообще любое занятие, которое отнимает у человека время. Ведение дневника или любые другие размышления на бумаге, таким образом, представляются неподобающими священнослужителю. Поэтому свое удивление тем, что его книги достаточно высоко оцениваются, Вениамин Федченков определяет при помощи глагола *недоумевать* в значении ‘не постигать умом, не понимать, быть озадаченным, стать в тупик’ [Даль 2012, с. 259].

Негативное отношение к процессу писания с точки зрения Федченкова как священнослужителя находит отражение в употреблении существительного *тщеславие* в значении ‘стремление к славе, почестям, почитанию’ [Евгеньева 1988, IV, с. 431; Кузнецов, с. 1356], с пометой ‘высокомерное’ [Ожегов, Шведова, с. 819]. Другими словами, это качество человека, который ‘делает добро не ради добра, а ради похвалы’ [Даль 2012, с. 489]. Быть тщеславным для священника большой грех, поскольку недопустима сама возможность делать что-то не потому, что это нужно ближним, а только для того, чтобы возвыситься в чужих глазах. В занятии писанием Федченков как священнослужитель видит проявление своей тщеславности. Сам процесс письма, с точки зрения священнослужителя, способствует развитию в нем тщеславия, становится полем для его роста.

Прямое отрицание наличия достоинства

в привязанности к процессу создания письменных текстов отражено сквозь призму важных христианских понятий, выраженных существительными *подвиг* и *добродетель*. Лексема *подвиг* в церковно-славянском языке имела такие значения, как ‘душевное движение, побуждение’, ‘дело, занятие’, ‘подвижничество’ (с пометой религиозное) [Срезневский 1902, II, стб. 1032–1033]. Так, очевидно, что в церковно-славянском языке существительное *подвиг* в основном обозначало некий вид занятий, который дается человеку с большим трудом, требует привлечения душевных сил, душевного побуждения к выполнению этого дела, что в какой-то степени сближает семантику слов *подвиг* и *добродетель* (см. подробнее контексты употребления лексемы *добродетель*: [Срезневский 1893, I, стб. 676–677]). В современном русском языке существительное *подвиг* имеет значение ‘героический, самоотверженный поступок, важное по своему значению действие, совершаемое в трудных условиях’ [Евгеньева 1987, III, с. 178], ‘героический, самоотверженный поступок, совершенный в опасных условиях, связанный с риском’ [Кузнецов, с. 861], нередко значение сужается до определения подвига как поступка ‘героического, самоотверженного’ [Ожегов, Шведова, с. 533; Лопатин, Лопатина, с. 513] без указания на условия его совершения, тогда как для митрополита Вениамина, исходя из контекста, наиболее важными являются

как раз условия: существительными *подвиг* и *добродетель* он как священнослужитель обозначает только такие дела, выполнение которых связано с наибольшими трудностями. Поэтому о процессе писания он говорит, употребляя прямое отрицание: в нем *нет подвига*.

Отметим также, что лексема *добродетель* в русском языке имеет значение ‘доблесть, всякое похвальное качество души, деятельное стремление к добру’ [Даль 2012, с. 117], ‘положительное нравственное качество человека, высокая нравственность, моральная чистота’ [Евгеньева 1985, I, с. 409; Кузнецов, с. 264; Ожегов, Шведова, с. 169]. Для Вениамина Федченкова как священнослужителя написание текстов не может рассматриваться как добродетельное занятие потому, что в религиозном христианском дискурсе ‘деятельное стремление к добру’ не может сочетаться с таким понятием, как удовольствие. Однако Федченков признается, что писание ему крайне приятно.

На синтаксическом уровне ироничное отношение Вениамина Федченкова как священника к увлечению письмом выражается при помощи сопоставительной конструкции *будто пишешь что-то важное*, которая передает сомнения автора по отношению к достоянности, полезности, важности того занятия, которому он посвящает достаточно много времени, очевидно, в ущерб другим, более каноническим трудам священнослужителя.

Употребление неопределенного местоимения *что-то* в сочетании с прилагательным *важное* также нивелирует ценность данного занятия с точки зрения Федченкова как духовного лица.

Таким образом, процесс написания текстов, в частности ведение дневника, не может рассматриваться Федченковым как достойное занятие для священника, в то время как свое личностное (не связанное с профессиональной деятельностью) отношение к этому занятию он характеризует посредством совсем других лексем (например, *удовольствие*). Это приводит к конфронтации двух точек зрения на процесс писания, которые в равной степени свойственны автору данных дневников, с той лишь разницей, что одной из них он придерживается как священнослужитель, а другой – как личность, нуждающаяся, во-первых, в возможности периодически скрываться от действительности, убежать от нее, переводя реальность в текст, т.е. во что-то менее опасное, во-вторых – в способах рассказать, вербально выразить свои проблемы, выговориться, что практически невозможно за рамками текста, в реальности, из-за большого количества недоброжелателей, тех, с кем он не может свободно говорить о сложившихся обстоятельствах.

Обратимся теперь к рассмотрению процесса писания с точки зрения Вениамина Федченкова как человека, нуждающегося

в средствах к эскапизму, в возможности выговориться. Отношение к процессу письма в данном аспекте характеризуется глаголом *предпочитать*, существительными *удовольствие, утешение, польза*, безличными конструкциями *мне нравится, приятно*. В отличие от негативного отношения к увлечению письмом с точки зрения священнослужителя для Федченкова как личности его потребность в регулярном размышлении на бумаге существенна и ценна. Сложно и неестественно разделять автора дневников на лицо частное и лицо, наделенное определенными профессиональными обязанностями и мировоззренческими ценностями. В языковых особенностях рассматриваемых текстов нашло отражение сосуществование обеих точек зрения на процесс письма: двойственность отношения автора к тому, что он склонен к вербализации своих размышлений, просматривается в выборе слов и синтаксических конструкций.

Говоря о второй точке зрения Федченкова на процесс создания письменных текстов, прежде всего отметим, что она представляет собой нечто более интимное, облеченное в форму признания священнослужителя в привязанности к занятию, возможно, не самому аскетичному, не требующему жертв и подвигов. Свой выбор между писанием и занятиями более добродетельными с точки зрения христианского отношения к труду Вениамин Федченков подчеркивает при по-

мощи глагола *предпочитать*. В значениях глагола *предпочитать* / *предпочесть* – ‘отдавать преимущество, превосходство, признавать лучшим, почитать или находить более по нраву себе’ [Даль 2012, с. 364], ‘счесть, признать по сравнению с чем-либо другим наиболее отвечающим тем или иным требованиям’ [Евгеньева 1987, III, с. 369; Кузнецов, с. 961], ‘признать лучшим по сравнению с другим’ [Ожегов, Шведова, с. 581; Лопатин, Лопатина, с. 561], ‘счесть за лучшее’ [Евгеньева 1987, III, с. 369] – кроется осознание автором, во-первых, сделанного им выбора, во-вторых, вины за сделанный выбор, чувства ответственности за то, что другим видам деятельности, противопоставленным в контексте занятию письмом в качестве более достойных для священника, он сознательно предпочел именно вкладывание в текст своих размышлений. Так, глагол *предпочитать* фактически иллюстрирует внутреннюю уверенность автора в полезности выбранной им разновидности труда, конфронтирующую, однако, с его профессиональными принципами и ценностями.

Одновременное существование двух взглядов на процесс письма у одного и того же человека отражается в употреблении им существительных *польза* (обладающего значениями ‘помощь, прок, подспорье, улучшение’ [Даль 2012, с. 346], ‘хороший результат, благоприятные последствия’ [Евгеньева 1987, III, с. 277; Кузнецов, с. 912; Ожегов, Шведова,

с. 558; Лопатин, Лопатины, с. 537]), и *утешение* (в значении ‘то, что утешает, доставляет кому-либо успокоение, облегчение в горе’ [Евгеньева 1988, IV, с. 532; Кузнецов, с. 1406]) в вопросительном предложении, в котором митрополит Вениамин удивляется, что другие люди получают пользу и утешение от его книг (т.е. плодов его размышлений, облеченных им в текстовую форму). Немаловажно, что именно *другие*, а не он сам. О. Вениамин как будто указывает на то, что от его занятий есть прок, однако при этом подсознательно переключается это указание на других лиц. Таким образом, как священнослужитель он недоумевает, что недостойное, легкое, приятное ему занятие, противопоставленное религиозному подвигу и добродетели, может принести пользу и утешение ближнему, но одновременно и находит оправдание своему увлечению этой деятельностью.

В такой же прагматической функции, как у определительного местоимения *другие*, выступают безличные конструкции *мне нравится, приятно*. Благодаря их использованию происходит смещение акцента с деятеля, т.е. человека, которому принадлежит признание в том, что ему доставляет удовольствие занятие письмом, на само состояние, на сам факт приятности этого процесса. Таким образом, автору удается отчасти имплицитно отражение в дневниковой записи его личной вовлеченности в процесс создания текста, дистанцировать от себя то, что содержится

в значении слова *приятный*, – характеристику писания как чего-то, ‘в чем находишь удовольствие’ [Даль 2012, с. 382], что ‘доставляет удовольствие’ [Евгеньева 1987, III, с. 461; Ожегов, Шведова, с. 604; Кузнецов, с. 997; Лопатин, Лопатина, с. 587] – чувство, запретное для священника, признаваемое греховным в православном религиозном дискурсе. Само ощущение *удовольствия* – ‘состояния удовлетворенного, довольного, чувства радости, утешения, утехи, приятности, успокоения от исполненных желаний, от угождения’ [Даль 2012, с. 497], ‘от приятных ощущений, переживаний’ [Евгеньева 1988, IV, с. 469–470; Кузнецов, с. 1376; Ожегов, Шведова, с. 829], ‘от приятных мыслей’ [Лопатин, Лопатина, с. 814] – противоречит христианскому мировоззрению.

Однако само признание приятности чего-либо менее греховно, чем признание священнослужителя в том, что он испытывает удовольствие от занятия неканоническим трудом, который в христианстве связан с праздностью. Рассмотрим следующий фрагмент: «Но опять скажу: беда в том, что нет сил молиться; и еще меньше сил – плакать. А потому посмотрю на писание **хоть как на занятие “трудом”**... И в монастыре после молитвы **трудятся**; <...> там **послушание** и подвиг труда; а у меня – **свобода** и удовольствие» [Федченков, с. 423]. В данном примере, кроме уже проанализированных нами лексем *подвиг* и *удовольствие*, смысловую нагрузку

несут существительные *занятие*, *труд*, *послушание*, *свобода* и частица *хоть*. Авторское словосочетание *занятие «трудом»* в очередной раз подчеркивает строгость оценки, которую Вениамин Федченков дает своей деятельности. Существительное *занятие* наряду со значением ‘труд, работа’ [Евгеньева 1985, I, с. 551; Кузнецов, с. 335; Ожегов, Шведова, с. 213; Лопатин, Лопатина, с. 202] имеет и значение ‘времяпровождение’ [Евгеньева 1985, I, с. 551; Кузнецов, с. 335], которое никак не связано с работой. Так, лексема *занятие* в данном контексте обозначает скорее трату времени, которое, по мнению о. Вениамина как священнослужителя, следовало бы употребить на деятельность, достойную служителя Церкви. Таким образом, *занятие* противопоставлено в данном случае *труду* в значении ‘работы, дела, всего, что требует усилий, старания и заботы, всего, что утомляет’ [Даль 2012, с. 487], ‘целесообразной деятельности человека’ [Евгеньева 1988, IV, с. 417; Кузнецов, с. 1349; Ожегов, Шведова, с. 815] и *послушанию* как ‘обязанности, которая возлагается на каждого послушника или монаха, работы, выполняемой в искупление греха, проступка’ [Евгеньева 1987, III, с. 318; Кузнецов, с. 934; Ожегов, Шведова, с. 568].

Немаловажно: митрополит Вениамин признается в том, что занятие письмом не только доставляет ему удовольствие, но и дает ему *свободу*. Бесспорно, что в дневниках Федченкова свобода понимается по-разному, но

это понимание не противоречит значениям слова *свобода*, закрепленным в русском языке. С одной стороны, существительное *свобода* имеет значения ‘возможность проявления своей воли, отсутствие стеснений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь общества’ [Евгеньева 1988, IV, с. 52-53; Кузнецов, с. 1161–1162; Ожегов, Шведова, с. 704; Лопатин, Лопатина, с. 686; Даль 2012, с. 426–427], ‘легкость, отсутствие затруднений в чем-либо’ [Евгеньева 1988, IV, с. 52; Кузнецов, с. 1162], ‘возможность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями’ [Евгеньева 1988, IV, с. 52; Лопатин, Лопатины, с. 686]. Свобода, понимая в этом значении, является для Вениамина Федченкова одной из самых важных ценностей, которой он лишен был сначала вследствие революции в России, а затем – в результате эмиграции в другую страну, в которой он, как и многие другие иностранцы, лишен гражданских прав. С другой стороны, лексема *свобода* имеет и значение ‘вообще – отсутствие каких-нибудь ограничений, стеснений в чем-либо’ [Ожегов, Шведова, с. 704], что сближает свободу с беспределом и вседозволенностью, неприемлемыми для о. Вениамина как православного священника. В контексте рассматриваемого фрагмента существительное *свобода* соединено соединительным союзом *и* с существительным *удовольствие* (негативное восприятие удовольствия было проанализировано

выше). Следовательно, в данном случае *свобода* оценивается митрополитом Вениамином как явление негативное, ставится на одну ступень с греховным удовольствием. Анализ текстового фрагмента убеждает: процесс создания письменного текста, облечение своих размышлений в текстовую форму признается Вениамином Федченковым недостойным видом деятельности.

Ироничное отношение к своему увлечению митрополит Вениамин выражает при помощи употребления частицы *хоть* заключения в кавычки слова *труд*: благодаря этому Федченков отчетливо противопоставляет занятие труду. Кроме того, здесь кроется и его признание в том, что он увлечен именно занятием, а не трудом. Через несколько страниц о. Вениамин постулирует эту мысль еще раз: «И остается “заниматься” – чем угодно, только бы не плакать и не молиться» [Федченков, с. 426]. В последнем примере занятие противопоставляется основному способу очищения и покаяния – плачу – и основному виду деятельности священнослужителя – молитве. За счет антитезы существительное *занятие* еще более явно маркирует недостойную деятельность.

Таким образом, неоднозначное отношение к увлечению письмом, долгое время составлявшее Вениамина Федченкова – обычного человека бороться с о. Вениамином – священником, нашло свое отражение в его дневниковых записях, ставших полем для

метапрозаической рефлексии. Размышляя в дневниках о своей любви к переносу мыслей на бумагу, он попеременно оценивал свое увлечение то положительно, то негативно. Как человеку, попавшему в крайне сложные жизненные условия, возможность погружаться в создание текста, в размышления посредством текста помогала ему временно укрыться от жестокой реальности, убежать от нее. Однако как православный священник он не мог не признать такой вид деятельности, не связанный с трудностями и тяжелыми испытаниями, неприемлемым для духовного лица. Ежедневное ведение дневника, обширная переписка с духовными лидерами, оказавшимися в эмиграции, написание книг – все это не отвечало требованиям религиозного подвига, потому что приносило автору создаваемого текста удовольствие от самого процесса писания – чувство, веками признававшееся христианством греховным.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. [Электронный ресурс] / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. Т. 1–4. 4 изд. СПб., 1912–1914. Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p%20=246>. (Дата обращения: 23.12.2013.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Избранные статьи / Под ред. Л. В. Беловинского. М.: Олма Медиа Групп, 2012.

Евгеньева А.П. (ред.) Словарь русского языка. В 4 т. Т. I (А–Й). 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985.

Евгеньева А.П. (ред.) Словарь русского языка. В 4 т. Т. II (К–О). 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986.

Евгеньева А.П. (ред.) Словарь русского языка. В 4 т. Т. III (П–Р). 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1987.

Евгеньева А.П. (ред.) Словарь русского языка. В 4 т. Т. IV (С–Я). 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1988.

Кузнецов С.А. (ред.) Большой толковый словарь русского языка. СПб.: «Норинт», 2008.

Кузнецова Л.К. Адресаты дневниковых записей митрополита Вениамина (Федченкова) и интенции автора по отношению к ним // Теологическое образование: проблемы и перспективы развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции Свято-Тихоновской конференции. Псков: Издательство Псковского государственного университета, 2014. С. 123–129.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2011.

Митрополит Вениамин (Федченков). Дневники 1926–1948 гг. М.: Правило веры, 2008.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый

словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2010.

Панова А.А. Действенность слова (дневники митрополита Вениамина Федченкова как материал для исторического словаря 1-й половины XX в.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск. 2014а. № 3. С. 93–95.

Панова А.А. Лингвистическая рефлексия в дневниках митрополита Вениамина Федченкова 1926-1948 годов // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Ростов-на-Дону. 2014б. №1. С. 87-95.

Панова А.А. Языковое представление процесса подготовки публичных выступлений в дневниках митрополита Вениамина Федченкова 1926-1948 годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014в. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 140-143.

Просветов Р.Ю. Митрополит Вениамин (Федченков) о христианском отношении к власти [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Православие.ру», 2014. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/73993.html>.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. I (А–К). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным

памятникам. В 3 т. Т. II (Л–П). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902.

Шведова Н.Ю. (ред). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1–4. [Электронный ресурс] / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: «Азбуковник», 1998; 2000; 2003; 2007. Режим доступа: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=%20235>. (Дата обращения: 23.12.2013.)

Bishop, Alexander. The Life of Father John of Kronstadt. New York, 1955.

Davidson, P. The Validation of the Writer's Prophetic Status in the Russian Literary Traditions: From Pushkin and Iazykov Through Gogol to Dostoevsky // Russian Review. 2003. 62, 4. Pp. 508-36). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://eprints.ucl.ac.uk/12920/1/12920.pdf> (дата обращения: 14.05.2012).

Dubois, Fr. Yves. God as saint John of Kronstadt saw him. // Passion: human and divine. Eleventh Annual Summer School (18 - 23 July 2010). Institute for Orthodox Christian Studies. Sidney Sussex College, Cambridge, 2010. P. 13–27. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ofsjb.org/archive/frsummer2010.pdf> (дата обращения: 14.05.2012).

John of Kronstadt. St. My Life in Christ, or Moments of Spiritual Serenity and Contemplation, of Reverent Feeling, of Earnest Self-Amendment, and of Peace in God: Extracts from the Diary of St. John of Kronstadt, trans. E.E. Gou-

laeff., Cassell and Company, Ltd; London, Paris & Melbourne, 1897 (Reprinted: Jordanville, New York: Holy Trinity Monastery, 1971, 1994). <http://www.orthodoxtwopartmusic.org/files/My-life-in-Christ.txt>.

Kizenko, N. A Prodigal Saint Father John of Kronstadt and the Russian People [Электронный ресурс] // N. Kizenko. Pennsylvania State University Press, 2000. 392 p. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=%20DRTPCETLyLcC&printsec=frontcover&dq=A+Prodigal+Saint+Father+John+of+Kronstadt> (дата обращения 16.06.2016).

Pehanich, E. A Model for Priests: St. John of Kronstadt (1829-1908). / Church Messenger. Volume LXVI (USPS 099-120) ISSN: 0734-0036 Portage, Penna. January 24, 2010. P.4-8.). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.acrod.org/> \t „_blank (дата обращения: 14.04.2012).

Sarah, M. The life and ministry of saint John of Kronstadt. // Passion: human and divine. Eleventh Annual Summer School (18 - 23 July 2010). Institute for Orthodox Christian Studies. Sidney Sussex College, Cambridge, 2010. P. 5-12. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ofsjb.org/archive/frsummer2010.pdf> (дата обращения: 14.05.2012).

References

Bishop, Alexander. (1955). The Life of Father John of Kronstadt. New York, St. Vladimir's Seminary Press .

Dal', V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t. [Elektronnyy resurs] Explanatory dictionary of Live Great Russian Language. In 4 Vols. [Electronic resource] / Pod red. I. A. Boduena de Kurtene. T. 1-4. 4 izd. SPb., 1912-1914. [I.A. Boduen de Kurtene (Ed.) Vol. 1-4. 4 . SPb., 1912-1914]. Available from: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0>.

Dal', V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Izbrannyye stat'i [Explanatory dictionary of Live Great Russian Language. Selected articles] / Pod red. L. V. Belovinskogo. M.: Olma Media Grupp, 2012.

Davidson, P. (2003). The Validation of the Writer's Prophetic Status in the Russian Literary Traditions: From Pushkin and Iazykov Through Gogol to Dostoevsky. Russian Review, 62, 4, pp. 508-36. Available from <http://eprints.ucl.ac.uk/12920/1/12920.pdf> \t „_blank (date of access: 14.05.2012).

Dubois, Fr. Yves. (2010). God as saint John of Kronstadt saw him. In: Passion: human and divine. Eleventh Annual Summer School (18-23 July 2010). Institute for Orthodox Christian Studies. Sidney Sussex College, Cambridge, pp. 13-27. Available from <http://www.ofsjb.org/archive/frsummer2010.pdf> (date of access 14.05.2012).

Evgen'yeva, A.P. (1985) (Ed.) Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. I (A-Y). 3-e izd., stereotip. [Dictionary of Russian Language. In 4 Vols. Vol.I (A-Y)]. M.: Russkiy yazyk.

Evgen'yeva, A.P. (1986) (Ed.) Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. II (K-O). 3-e izd., stereotip.

[Dictionary of Russian Language. In 4 Vols. Vol. II (K–O)]. M.: Russkiy yazyk.

Evgen'yeva, A.P. (Ed.) Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. III (P–R). 3-e izd., stereotip. [Dictionary of Russian Language. In 4 Vols. Vol. III (P–R)]. M.: Russkiy yazyk.

Evgen'yeva, A.P. (1988) (Ed.) Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. IV (S–YA). 3-e izd., stereotip. [Dictionary of Russian Language. In 4 Vols. Vol. IV (S–YA)]. M.: Russkiy yazyk.

John of Kronstadt. (1897). *St. My Life in Christ, or Moments of Spiritual Serenity and Contemplation, of Reverent Feeling, of Earnest Self-Amendment, and of Peace in God: Extracts from the Diary of St. John of Kronstadt, translated by E.E. Goulaeff.* Cassell and Company, Ltd; London, Paris & Melbourne. Reprinted: Jordantville, New York: Holy Trinity Monastery, 1971, 1994). Available from <http://www.orthodoxtwo-partmusic.org/files/My-life-in-Christ.txt>.

Kizenko, N. A. (2000). *Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People* (Penn State Series in Lived Religious Experience). Pennsylvania State University Press. Available from <https://books.google.ru/books?id=%20DRTPCETLyLcC&printsec=frontcover&dq=A+Pr odigal+Saint+Father+John+of+Kronstadt> (date of access: 12.04.2012).

Kuznetsov, S.A. (2008) (Ed.) Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Large comprehensive dictionary of Russian language]. SPb.: «Norint».

Kuznetsova, L.K. (2014) Adresaty dnevnikovykh zapisey mitropolita Veniamina (Fedchen-

kova) i intentsii avtora po otnosheniyu k nim [Addressee of Metropolitan Veniamin (Fedchenkov) and author's intentions in diaries] // Teologicheskoye obrazovaniye: problemy i perspektivy razvitiya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Svyato-Tikhonovskoy konferentsii [Theological education: problems and perspectives of its development. Collection of conference papers]. Pskov: Izdatel'stvo Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. S. 123–129.

Lopatin, V.V., Lopatina, L.E. (2011) Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Comprehensive dictionary of modern Russian language]. M.: Eksmo.

Mitropolit Veniamin (Fedchenkov) (2008). *Dnevniky 1926–1948 gg.* [Diaries 1926–1948]. M.: Pravilo very, 2008.

Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (2010) Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy. 4-e izd., dop. [Comprehensive dictionary of Russian language: 80000 words and phraseological units. 4 th Ed]. M.: OOO «A TEMP».

Panova, A.A. (2014f) Deystvennost' slova (dnevniky mitropolita Veniamina Fedchenkova kak material dlya istoricheskogo slovarya 1-y poloviny XX v.) [Word's power (diaries of the Metropolitan Veniamin Fedchenkov as a source for history language dictionary)] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [issues of history, philology, and culture]. Magnitogorsk. № 3. S. 93–95.

Panova, A.A. (2014b) Lingvisticheskaya re-

fleksiya v dnevnikakh mitropolita Veniamina Fedchenkova 1926-1948 godov [Linguistic reflexivity in the diaries of Metropolitan Veniamin Fedchenkov (1926-1948)] // Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki. [Southern Federal University studies in philology. Issue 1.] Rostov-na-Donu. № 1. S. 87–95.

Panova, A.A. (2014v) Yazykovoye predstavleniye protsessa podgotovki publichnykh vystupleniy v dnevnikakh mitropolita Veniamina Fedchenkova 1926-1948 godov [Linguistic representation of the process of speech composition for publication in the diaries of Metropolitan Veniamin Fedchenkov (1926-1948)] // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [philological Sciences. issues of theory and practice]. Tambov: Gramota. №1 (31): v 2-kh ch. Ch. I. p. 140–143.

Pehanich, E. A. (2010). Model for Priests: St. John of Kronstadt (1829-1908). Church Messenger. Volume LXVI (USPS 099–120). Portage, Penna. pp. 4-8. Available from <http://www.acrod.org/>“ \t „_blank (date of access: 14.04.2012).

Prosvetov, R.Yu. (2014) Mitropolit Veniamin (Fedchenkov) o khristianskom otnoshenii k vlasti [Elektronnyy resurs] [Metropolitan Veniamin (Fedchenkov) on Orthodox relation to the state[Electronic resource]] // Online journal «Pravoslaviye.ru». Available from: <http://www.pravoslavie.ru/73993.html>.

Sarah, M. (2010). The life and ministry of Saint John of Kronstadt. In: Passion: human and divine. Eleventh Annual Summer School (18 - 23 July 2010). Institute for Orthodox Christian Studies. Sidney Sussex College, Cambridge, pp. 5–12. Available from <http://www.ofsjb.org/archive/frsummer2010.pdf> (date of access: 14.05.2012).

Sreznevskiy, I.I. (1893) Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. V 3 t. T. I (A–K) [Materials for a Dictionary of Old Russian in written sources. In 3 Vols. Vol. I (A–K)]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.

Sreznevskiy, I.I. (1903) Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. V 3 t. T. II (L–P) [Materials for a Dictionary of Old Russian in written sources. In 3 Vols. Vol. II (L–P)]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1902.

Shvedova, N.Yu. (Ed.) (1998, 2000, 2003, 2007). Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy. T. 1–4. [Russian semantic dictionary. Comprehensive dictionary organized according to classes of words and their meanings. Vol. 1–4]. [Electronic resource] / Pod obshchey red. N.YU. Shvedovoy. M.: «Azbukovnik», 1998; 2000; 2003; 2007. Rezhim dostupa: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0>.

**LANGUAGE PRESENTATION OF THE PROCESS OF WRITING
IN THE DIARIES OF METROPOLITAN VENIAMIN FEDCHENKOV (1926-1948)**

Anna A. Panova, Postgraduate student of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: panyann@yandex.ru.

Abstract. The paper analyses the language of Metropolitan Veniamin Fedchenkov's diaries of 1926-1948 as a tool which sheds light upon the author's vision of the writing process. The object of reflexivity for the Metropolitan is both the rules of writing and his personal rethinking of diary writing conventions. The dilemma of writing and active performance as a church leader in the diaries mirrors the real life drama of Veniamin Fedchenkov, who was unable to be an acting preacher during the long emigration period. At this time his private correspondence and keeping a diary became the only means of his personal occupation. The paper draws attention to the self-reflexivity of Fedchenkov's writing as a specific form of his belief about the good which his personal intimate writing might bring to the author's self and to others. Thus, in contrast to formal public speech, which was seriously considered by the metropolitan as a rhetoric instrument of a canonical value, his private diaries were to help him to justify his writing efforts as the only permitted way of self exposure as a preacher.

Key words: language of diary, religious discourse, written text.

